

УДК 811.13'04
ББК 81.47-03

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ АНГЛОСАКСОВ В НОРМАННСКИЙ ПЕРИОД АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Н.И. Дорохова

В статье исследуются процессы трансформации семиотики хабитата англосаксов, их быта и рутинных занятий, получившие актуализацию в вербальной и невербальной коммуникации этноса в норманнский период истории Англии (1066–1485). Описаны семиотические сдвиги, обусловленные ослаблением контактов со Скандинавией и политической переориентацией в сторону континентальной Европы.

Ключевые слова: хабитат, лингвосемиотика, знак, номинация, повседневность, ритуал, глюттотоническая коммуникация.

В «Англосаксонских хрониках» под 1066 г. описано падение англосаксонской монархии и воцарение на трон представителя норманнской знати – герцога Вильгельма, в битве при замке Гастингс разгромившего последнего англосаксонского короля Гарольда, сына умершего Эдуарда Исповедника [6, р. 245].

С этого момента, как считают историки, начинается так называемый норманнский период развития государственности на Британских островах. Во главе Британской монархии встал новый король – Вильгельм Завоеватель по прозвищу Рыжая Борода, прославившийся своим коварством, жестокостью к подданным и непримиримостью к врагам.

В данной статье нас будет интересовать то, как в условиях норманнского ига, в жестких рамках власти норманнской клики баронов, силой захвативших города, деревни, замки, сельские и лесные угодья богатых англосаксонских вождей, а также владения англосаксонских церквей и монастырские пределы, протекала и менялась повседневная жизнь населения; каким образом трансформировалась семиотика хабитата англосаксов, их быта и рутинных занятий; наконец, как актуализи-

ровались эти процессы в вербальной и невербальной коммуникации англосаксов в течение более четырех столетий истории Англии при норманнах.

Исторические исследования свидетельствуют, что завоевание Англии норманнами (1066) завершилось подчинением местной феодальной знати новому королю (1070–1075) и установлением **военно-ленной системы**, централизацией государства, укреплением и усилением королевской власти. При этом Англия кардинально переориентировала свою политику в сторону континентальной Европы, в то время как ее ранее прочные и традиционные контакты со **Скандинавией** стали ослабевать [1; 3]. Как отмечают исследователи, «в результате адаптации северофранцузских государственных и социальных институтов к англосаксонской правовой традиции сформировалась система **Англо-нормандской монархии**, просуществовавшая до середины **XII в.**, которая легла в основу средневекового английского государства» [5, с. 683–690].

Завоевание Англии норманнами значительно повлияло на развитие английской культуры и **языка**. Это, однако, не означает, что жесткая и авторитарная система управления, характерная для норманнской монархии, оказала исключительно деструктивное влияние на установления исконной культуры англосаксов.

В этой связи Р. Вильямсон констатирует: «With the greater understanding of Later Anglo-Saxon culture, it's now fairly clear that the Normans should not be viewed simply as the evil and oppressive overlords of Robin Hood fame (a view which has more to do with the anarchic times of Stephen, John and Richard). Duty and obligation was the method the Saxons had used for hundreds of years, and this too was the system that the Normans employed. This meant that the Anglo-Saxon cultural system was easily able to absorb the new Norman social classes, so much so that not even the Norman language was adopted. William was just as likely to send in a force of men to quell any rebellion, as Harold would have done, he only really exceeded Harold's temper in the destruction of farmland and stores as in the "Harrying of the North". Something for which he was never forgiven, and rightly so» [12, p. 143].

Что касается быта и повседневности англосаксов в Англии норманнского периода, то уклад жизни и хабиатат резко изменился главным образом у той части общества, которая относилась к имущим слоям, – у зажиточных горожан, купцов, церковников, судейских, чиновников, аристократии и придворных. Простолюдины по-прежнему влачили жалкое существование в лачугах (*hut*), устроенных чрезвычайно просто; исследователи так описывают подобные жилища городского простого люда: «*These were built of wood: often two large curved pieces of oak, called **crucks**, formed the basic framing, and the walls might be filled with earth or mud in what was called **wattle-and-daub** construction. Roofs were frequently **thatched with straw or reeds**; floors were generally **compacted earth**, perhaps covered with straw. Because fireplaces were uncommon, fires were often lit in the middle of rooms, with at least some of the smoke escaping through **a vent** in the **ceiling**. Glass was too expensive for ordinary use, so windows were small and openings were sometimes covered with wood **shutters** intended to keep out the cold, but often precluding the entrance of light and air as well*» [9, p. 126].

Семиотика конструкции домов бедных горожан, постоялых дворов и придорожных таверн была самой незатейливой; внутри жилое пространство было тесным, меблировка – весьма скромной, а количество обитателей

превышало разумные пределы: «*houses were **small and crowded**, seldom more than two rooms. **Furnishings** were **sparse**, often consisting of no more than **a few stools, a trestle table, and a chest***» [9, p. 126]. Отсутствие спален было обычным делом: спали вповалку, часто вся семья располагалась в одной постели. Также совершенно естественной была ситуация, когда в одной постели ночевали постояльцы гостиниц, друг с другом совершенно незнакомые: «*It was common for a number of people, not just husbands and wives, to sleep together in the same bed; indeed travelers, putting up at inns or taverns, might share beds with complete strangers*» [ibid.].

Суровые зимы, характерные для климата Британии того времени и простолюдины, и зажиточные слои населения переживали благодаря примитивному отоплению. Например, на старинной гравюре, включенной в книгу о жизни англосаксов времен норманнского завоевания Т. Райта, изображен житель Британии, греющийся у горшка, наполненного углями [8, p. 130]. В.Р. Виноградов, известный в советский теплофизик и историк быта англосаксов Средневековья, так описал его семиозис: «*Появление дымовых труб отмечается в различных странах разными датами: начиная с XI века до XIV века. Так, есть указание на примитивное устройство дымовой трубы у бриттов и англосаксов времени Вильгельма Завоевателя (XI век), которые жили в крытых соломою, глинобитных или сырцовых хижинах, разделявшихся на две половины – для хозяев и прислуги. Посреди чистой половины стоял огромный общий очаг, над которым делалось в кровле отверстие, окруженное возвышенными стенками и служившее дымовой трубой. Не мешает заметить, что позднее для сбережения места и ради удобства люди стали прислонять подобный очаг к стене, устраивая над ним дымовую трубу в виде опрокинутой воронки; такое устройство сохранилось и до настоящего времени, с небольшими изменениями, в виде камина. По мнению некоторых авторов, началом введения дымовых труб следует считать лишь XII век, когда на северо-западе Европы, появляются каминь; на юге же Европы еще писатели начала XIV века упоминают о трубах, как о предмете роскоши*» [2, с. 143].

На одном из сайтов о британской монархии отмечается, что «*the fire was the “central heating” and “cooker”, although a few houses may also have had a clay bread oven*» [14]. В норманнском замке (*castle*) ситуация с отоплением была более благополучной; вельможные хозяева были в состоянии даже устроить для себя и своих гостей паровую баню. На английской цветной литографии XII столетия изображено ее устройство: паровой котел устанавливался на первом этаже помещения, пар от которого подавался на второй этаж, где были сделаны парильни для посетителей, располагались залы для пиршеств и развлечений. На литографии также изображена система раздува огня под котлом и меха, подающие пар внутрь помещения для принятия парильных процедур.

Существует ложное представление об одной стороне средневековой повседневной жизни, а именно об отсутствии культуры умывания и принятия ванн. Исследователи развенчивают этот стереотип, очень живо представляя семиотику средневековой ванной комнаты: «*One of the modern myths about medieval times is that no one took baths. This is not true. Baths were normally taken in wooden tubs. Often times some privacy was provided by a canopy or tent. In warmer weather the tub was placed in the garden of the castle, and in cold weather near a fire inside the castle. When travelling, the tub often accompanied the lord, together with the bathman. In some castles the bathrooms were built in. At Leeds Castle, in 1291, there was a chamber 23ft by 17ft, lined with stone, which could contain 4ft of water taken from the lake that surrounded the castle. There was a ledge for accessories, a recess for the bath, and a changing room located right above the bathroom. Some castle bathrooms had piped-in hot and cold water. Some lords even had bath mats to protect their feet from the cold. A lavabo, slop basin, or laver was a stone basin built into the wall. It was used as a wash basin and sink for washing the hands before and after meals. Often, a refillable tank with copper or bronze taps sat above the basin. Some lavabos were highly decorative and had spouts in the form of animal heads. Some examples of castles with lavabos are Goodrich and Conisbrough Castles in England*» [8, p. 153].

Меблировка замка норманнов была весьма изощренной и богатой, о чем свидетель-

ствуют номинации мебели и драпировки, зафиксированные в языке обозначенного периода: *tapestry* «гобелен», *silver or pewter pottery* «серебряная или оловянная посуда», *bed* «кровать», *feather mattress* «перьевой матрас», *silk sheet* «простыня», *quilt* «стеганое одеяло», *canopy* «прикроватное канапе», *curtain* «занавес, полог» (см. подробнее: [8]).

Особым местом в замке норманнов были кухня и зона пиршеств. Ритуалы и включенные в них семиотические элементы пространства, которое характеризует быт, этикет и повседневность норманнских сеньоров, представлены следующим образом: «*A banquet being given at the high table: the retainers at the left hand bring the dishes, and hand them to the squires at the sides of the table, and it was part of their duties to be able to carve properly and serve their lord and lady. The trumpeters tuned up as the various dishes appeared. At this time it was the custom for boys of good birth to be sent to, and brought up in, the house of some nobleman, where, in return for their education, they became pages and afterwards squires to their lord, attending him where he went. This was considered part of their knightly education, and we read that king's sons were taught to carve before their father when at table*» [10, p. 130–134].

Обыденный стол норманнского сеньора, проживавшего в Англии XII в., М. Пастуро характеризует так: «*Вместо злаков они питались в основном мясом – это главное отличие их меню от крестьянского рациона; мясные блюда присутствовали в изобилии. Прежде всего дичь, ведь охота на нее являлась привилегией аристократии: олени, лани, косули, кабаны, зайцы, куропатки, перепела, фазаны; в некоторых областях – бакланы, тетерева, каменные бараны и даже медведи. Затем домашняя птица: гуси, каплуны, цыплята, голуби; а также павлины, лебеди, ржанки, журавли, цапли, выпи, подававшиеся во время праздников (утки считались практически несъедобными)*» [4, с. 134].

Соблюдение этикета во время приема пищи было возведено в ранг типичного поведения высших кругов тогдашнего общества; ежедневный ритуал чаепития жены приора живописно изобразил Д. Чосер:

*At mete wel y-taught was she with-alle,
She leet no morsel from hir lippes falle,
Ne wette hir fyngre's in hir sauce depe.
Wel koude she carie a morsel and wel kepe,
That no drope ne fille upon hire breste;
In curteisie was set ful muchel hir leste.
Hire over-lippe wyped she so clene,
That in hir coppe ther was no ferthyng sene
Of grece, whan she dronken hadde hir draughte*
[7, p. 76].

Семиотика инструментальности в глоттонической коммуникации этого периода имеет специфику: норманны редко пользовались вилок: «*Although spoons and knives were used, we hear very little of forks, except that in Edward II's reign we are told that Piers Gaveston had, amongst other treasures, some silver forks, "for eating pears", and also we learn that John, Duke of Brittany, used a fork of silver with which to pick up "soppys". Men when hunting and riding carried knives stuck through their wallets, and these they often used when at meals. Both knives and spoons, like nearly everything else in this period, were generally of beautiful design and workmanship*» [10, p. 135–136].

Глоттония данного периода характеризуется дуальной семиотикой кооперации: инструменты питания использовались партнерами одновременно. Так, сотрапезники пользовались одной тарелкой и одной емкостью для распития вина или пива: «*One platter was laid to every two persons, and a knight and his partner ate off the same plate and used one drinking vessel between them, and indeed, in poorer houses, one cup did service for the entire family*» [ibid.].

Напитки употреблялись норманнами в огромном количестве, при этом «*и дворяне, и простолюдины опьяняли себя одной и той же жидкостью: вином, лучшим напитком средневековой Европы*» [4, с. 13]. Следует упомянуть о том, что в это время для потребления вина и пива не использовали стеклянную посуду вследствие ее дороговизны: «*Drinking vessels were very seldom of glass, but were generally fashioned in metal, horn, or wood. But to revert to our table as laid for a feast. The chief ornament was the great salt-cellar. This was large, of most costly material and beautifully fashioned, and was placed in front*

of the chief personage, who alone used it, smaller ones being placed in front of the other guests. There also, borne to the table and placed thereon with much ceremony, was the "nef", a jewelled model of a ship, which contained spices to add flavour to the various dishes. Our forbears were fond of their food very much flavoured and spiced» [10, p. 135–136].

Временная семиотика приема пищи была двучастной: завтрак отсутствовал, а обед сервировали между девятью и десятью часами утра; ужин в норманнском замке обычно подавался в пять часов вечера: «*Dinner was served between nine and ten in the morning, and the next meal was supper, at five o'clock*» [ibid., p. 138].

Придерживаясь этого ритуала, человек мог прожить долго и счастливо, что вербализовано в старофранцузской поговорке, имевшей хождение в Англии норманнского периода:

*Lever a cinq, diner a neuf,
Souper a cinq, coucher a neuf,
Fait vivre d'ans nonante et neuf* [ibid.].

Ужин в норманнском замке всегда был оживлен шутками и небольшими представлениями придворных клоунов и шутов; его семиотика репрезентирована в рассказе Д. Чосера о сэре Топасе («*Tale of Sir Thopas*»):

*«Do come», he seyde,
«my mynstrales,
And geestours for to tellen tales,
Anon in myn armynge;
Of romances that been roiales [royal],
Of Popes and of Cardinales,
And eek [also] of love-lykyng».
They fette hym first, the sweete wyn [wine]
And mede eek in a mazelyn,
And roial spicerye;
And gyngbreed that was ful fyn,
And lycorys, and eek comyn [cummin],
With sugre that is so trye [choice]* [7, p. 65].

Семиотика англонорманнской кухни XIV столетия была весьма сложной: уже в это время на кухне англонорманнских поваров использовались разнообразные приборы. Так, в книге Т. Райта «*Homes of Other Days*» обнаруживаем следующие номинации: *a brandreth, or iron tripod, for supporting the caldron over the fire; a caldron, a dressing-board and dressing-knife, a brass pot, a posnet, or saucepan, a frying-pan, a gridiron, a spit, a gobard, a mier for making bread-crumbs, a*

flesh-hook, a scummer, a ladle, a pot-stick, a slice for turning meat in the frying-pan, a pot-hook, a mortar and pestle, a pepper-quern, a platter, a saucer for making sauce [13, p. 245].

Хранение продуктов в кладовых замков было суровой необходимостью: еду накапливали на случай войны, набегов соседей, вылазок бунтовщиков (Робина Гуда и его веселых лесных братьев), а также на тот случай, если нагрянет чума. Исследователи приводят запись в амбарной книге, датированной 1320 г., в которой перечислены лексемы, номинирующие запасы провизии для обитателей замка и воинов его гарнизона:

112 1/2 quarters of corn
10 1/2 quarters wheat malt
112 1/2 quarters beans
7 bushels of mixed beans and barley
2 tons of pilmcorn
9 1/2 quarters of oatmeal
78 carcasses of salted meat
81 oxhides
40 mutton carcasses
72 hams
1,856 stockfish
wine, honey and vinegar [8, p. 46].

Типичным способом англо-норманнских феодалов скрасить свою повседневную жизнь являлась охота – занятие исключительно для знати; простолюдины не имели права даже войти в охотничьи угодья вельмож. Ею с удовольствием занимались как мужчины, так и женщины: «*The ladies often accompanied the gentlemen in hunting parties; upon these occasions it was usual to draw the game into a small compass by means of inclosures, and temporary stands were made for them to be spectators of the sport; though in many instances they joined in it, and shot at the animals as they passed by them, with arrows. Agreeable to these manners, which custom reconciled to the fair sex, most of the heroines of romance are said to be fond of the sports of the field*» [11, p. 8].

Охотились на крупного (*hunting*) и мелкого зверя, причем в такой охоте использовались прирученные и натренированные хищные птицы (*hawking*): ястреб, коршун, орел и сокол. Их тренировка была целым искусством (*falconry*). Дичь (*game*) подразделялась на классы. Уильям Твайси (William Twici) и Джон Гиффорд (John Gyfford), которые были глав-

ными егерями короля Эдуарда II (*maisters of the game*), написали специальное наставление для своего вельможного хозяина о том, как овладеть искусством охоты (*the craft of huntynge*), где перечислили эти классы: «*The first class contains four, which, we are informed, may be properly called beasts for hunting; namely, the hare, the hart, the wolf, and the wild boar. The second class contains the names of the beasts of the chase, and they are five; that is to say, the buck, the doe, the fox, the martin, and the roe. In the third class we find three, that are said to afford "greate dysporte" in the pursuit, and they are denominated, the grey or badger, the wild-cat, and the otter*» [11, p. 12].

В преследовании зверя всегда участвовали охотничьи собаки (*hound*). Они считались весьма дорогим подарком. Так, в англо-норманнской поэме «Сэр Ингламор» принцесса обещает рыцарю, что ежели ему захочется поохотиться, то она подарит ему прекрасную ищейку (*greyhound*):

*Syr yf you be on huntynge founde,
I shall you gyve a good greyhounde
That is dunne as a doo:
For as I am trewe gentylwoman,
There was never deer that he at ran,
That myght yscape him fro* [ibid., p. 24].

В наставлении по охоте, известном как «Книга Сент-Олбани» (*The Boke of St Albans*), которую написала приоресса женского монастыря Джулиана Барнс, перечислены виды собак, которые надлежит использовать во время гона зверя; в наставлении упоминаются и «дамские» маленькие собачки с оговоркой, что на охоту их брать не стоит: «*Thyse be the names of houndes. Fyrste there is a Grehoun; a Bastard; a Mengrell; a Mastif; a Lemor; a Spanyel; Raches; Kenettys; Teroures; Butchers houndes; Dunghyll dogges; Tryndeltaylles; and pryckeryd currys; and smalle ladye's popees that bere awaye the flees and dyvers small sawtes*» [ibid., p. 25].

В заключение констатируем, что лингвосомиотика жизни англосаксов после того, как Англия оказалась под властью норманнских завоевателей, претерпела значительные изменения (что отразилось на модусе жизни и быта), обусловленные влиянием устоев феодальной жизни завоевателей, которые кардинально из-

менили семиотику хабитата англосаксов, привнесли в него множество инноваций, получивших в языке свои номинативные рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барлоу, Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии : пер. с англ. / Ф. Барлоу ; под ред. С. В. Иванова. – СПб. : Евразия, 2007. – 320 с.

2. Виноградов, В. Р. Физические принципы устройства приборов отопления / В. Р. Виноградов // Рабочая библиотека; серия по физике, № 5. – М. ; Л. : ГИЗ, 1927. – 180 с.

3. Дуглас, Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. / Д. Ч. Дуглас. – СПб. : Евразия, 2003. – 416 с.

4. Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро ; пер. с фр. М. О. Гончар ; науч. ред., коммент. и послесл. Т. Д. Сергеевой ; предисл. А. П. Левандовского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 230 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

5. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. – М. : АСТ, 2005. – С. 683–690.

6. The Anglo-Saxon Chronicle / transl. and collated by A. Savage. – CLB International, 1984. – 288 p.

7. Chaucer, J. The Prioress's Tale / J. Chaucer. – L. : Librarius, 1997. – 120 p.

8. Hull, M. Castles / M. Hull, L. Hull. – L. : Castle Learning Center, 2008. – 230 p.

9. Lehmborg, S. E. The Peoples of the British Isles: A New History / S. E. Lehmborg, S. Meigs. – 3rd ed. – N. Y. : Lyceum Books Inc., 2009. – Vol. 1 : From Prehistoric Times to 1688. – 342 p.

10. Quennel, M. A History of Everyday Things in England / M. Quennel, C. H. B. Quennel. – L. : B. T. Batsford, Ltd., 1918–1934. – Vol. I–IV. – 2300 p.

11. Strutt, J. The Sports and Pastimes of the People of England / J. Strutt. – L. : Methuen & Co., 1903. – 1210 p.

12. Williamson, R. Norman Social Organisation and Feudalism / R. Williamson. – L. : Regia Anglorum Publications, 2000. – 430 p.

13. Wright, T. The Homes of Other Days: A History of Domestic Manners and Sentiments in England from the Earliest Known Period to Modern Times / T. Wright. – L. : Trübner and Co, 1871. – 522 p.

14. Regia Anglorum – Anglo-Saxon and Viking Houses and Furniture. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.regia.org/houses.htm>. – Title from screen.

LINGUO-SEMIOTICS OF ANGLO-SAXON ROUTINE LIFE IN THE NORMAN PERIOD OF THE HISTORY OF ENGLAND

N.I. Dorokhova

Semiotics transformation processes in the Anglo-Saxon's habitat and everyday routine activities are being researched; the dynamics of these processes actualized in verbal and non-verbal interaction during the four centuries under Normans is studied.

Key words: *habitat, lingua-semiotics, sign, nomination, routine life, ritual, gluttony communication.*